

УДК 008:398+784

МОЛОДЕЖНЫЕ ТРАДИЦИИ ОСЕННЕ-ЗИМНЕГО КАЛЕНДАРНОГО ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2014 Т.И.Ведерникова

Самарская государственная академия культуры и искусств

Статья поступила в редакцию 20.06.2014

В данной статье проведен культурологический анализ локальных молодежных традиций осенне-зимнего цикла народного обрядового календаря в традиционной культуре русского населения Самарского края. В рамках цикла рассматриваются календарные обряды «перехода», а также – сезонные праздники осени и зимы, иллюстрируемые фольклорными текстами, записанными автором в ходе этнографических экспедиций. Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России». Проект № 1314-63004 «Феномен молодежной культуры в традиционном песенном фольклоре Самарской области»

Ключевые слова: осенне-зимний цикл народного календаря, молодежные традиции, обряды перехода, семантический анализ фольклорных текстов.

Русский народный обрядовый календарь – сложное синкретичное культурное явление, где органично переплелись мифологическое сознание восточных славян, цикличность в жизни природы, трудовые навыки земледельцев, христианско-православные традиции. Культ умирающей и воскресающей природы, выраженный в ее цикличности и смене времен года, предусматривал участие людей в этом процессе. Обрядовый календарь делится на 4 цикла, аналогичных четырем временам года – зима, весна, лето, осень. Все они связаны с определенными этапами сельскохозяйственных работ. Зимние обряды были призваны обеспечить не только новый урожай, но и благополучие общества в течение всего года, – в них главное внимание сосредоточено на идее счастья и достатка. Основной темой весенних обрядов являлась подготовка к началу полевых работ. Летние и осенние обряды связаны с заботой о выращивании и сборе урожая.

Данная работа посвящена анализу локальных молодежных традиций осенне-зимнего цикла народного обрядового календаря в традиционной культуре русского населения Самарского края. В рамках указанного цикла нами рассматриваются обряды «перехода» от лета к осени, от осени к зиме, от зимы к весне, а также – сезонные обряды осени и зимы. Сам термин «обряды перехода» является общепринятым в науке. Мы основываемся на культурологических подходах к теме, как зарубежных – А.

ван Геннеп, В.Тернер¹, так и отечественных – Н.Ф.Сумцов, Н.Н.Велецкая, А.К.Байбурин, В.С.Бузин, А.В.Черных² исследователей. Источниковую базу нашей работы составили этнографические описания обрядов, содержащиеся в публикациях XIX в.; материалы полевых экспедиций 1979 – 2012 гг. автора, частично отраженные в учебном пособии «Русские Самарского края»³.

По мнению А.К.Байбурина, «членение времени с помощью ритуалов предполагает, что, несмотря на естественные изменения, мир остается таким, каким его зафиксировал последний ритуал. Для того, чтобы один период (сезон) сменился другим, нужен очередной ритуал. Иными словами, мир не меняется сам по себе,

¹ Геннеп А. ван. Обряды перехода. – М.: 1999. – С. 10 – 47; Тернер В. Символ и ритуал. – М.: 1983. – С. 112.

² Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов. – М.: 1996. – С. 5 – 23; Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: 2003. – С.90 – 155; Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре (Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов). – СПб.: 1993. – С. 10 – 125; Бузин В.С. Этнография русских. – СПб.: 2009. – С. 360 – 383; Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. – Пермь: 2008. – С.221 – 251.

³ Всеволожская Е. Очерк крестьянского быта Самарского уезда // Этнографическое обозрение. 1895. – Т. 24. – № 1. – С. 1 – 34; Евлентьев К.Г. Путевые заметки из поездок по Заволжью в 1851 – 1854 гг. // Записки Казанского Экономического общества. 1854. – Ч.1. Кн.2. – С. 15 – 30; Материалы этнографических экспедиций в сельские районы Самарской области (МЭЭ) // Личный архив автора; Ведерникова Т.И. Русские Самарского края: история и традиционная культура: учеб. пособ. – Самара: 2007. – С. 161 – 180.

^o Ведерникова Тамара Ивановна, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: vti53@mail.ru

постепенно и спонтанно, как это представляется современному человеку»⁴.

Суть теории обрядов перехода, согласно ее автору – А.ван Геннепу, заключается в существовании неких переходов, радикальных перемен существующего положения. Каждый обряд жизненного цикла, как и календарного, состоит из определённых действий, которые должны быть исполнены в установленном порядке. Только при соблюдении этого условия можно говорить об оформленном и совершенном обряде. А.ван Геннеп выделил несколько этапов обрядового действия: 1) отделение (отлучение, исключение) от одного состояния; 2) промежуточное состояние, сам «переход»; 3) включение (прием) в новое состояние⁵.

В.Тэрнер в разработке темы обозначил понятие ритуального символа, под которым понимается атрибутика обрядов, как минимальная семантическая единица. Исследователю удалось выявить один и тот же архетип в обрядах инициации, связанных со вторым (и последующим) рождением человека.

Н.Н.Велецкая считает архаичные явления славянской календарной обрядности тесно связанными с культом предков и аграрными культурами. Структура традиционных обрядов, их символика, функциональная сущность обусловлены представлениями о мире предков, взаимосвязи его с миром живых, о воздействии предков на земную жизнь потомков. По ее мнению, для понимания наиболее архаичных явлений особенно важен комплекс представлений о смерти, как форме перехода в «иной мир», путях и способах этого перехода, извечного кругооборота перевоплощений. Отсюда, одна из основных функций календарной обрядности – заклятие благополучия, в значительной мере зависящего от благотворного воздействия предков на все, что окружает людей⁶.

В русской традиционной культуре календарная обрядность была направлена, в первую очередь, на благополучие крестьянской семьи и общины, зависящее от урожая. Она имела ярко выраженный аграрный характер и представляла сложный ритуальный комплекс, включающий в себя анимистические культы предков, солнца, воды и растительности, сопровождаемый поеданием ритуальной пищи, обрядовыми играми, а также символическими фольклорными текстами. Особое значение в осмыслении календарных обрядов «перехода» мы отводим обрядовой кукле – антропоморфному изобра-

жению умерщвляемых «стариков», ассоциируемых с уходящим временем года, и отправлению их «на тот свет». Конец лета – начало осени в народном календаре допетровской России знаменовались Новолетием – 1 сентября, с этого дня начиналось новое летоисчисление; по Святцам отмечается, как день Симеона – «летопрводца». Характерной особенностью этого праздника считались «похороны» мух, блох, клопов, тараканов. Для этого девушки вырезали «гробики» из тыквы, моркови, репы, клали туда насекомых, с плачем выносили их из избы и предавали земле. Здесь очевидно замещение человека насекомым; оно умирает, отправляется к предкам, а люди остаются в новом качестве. Особенно хорошо было после Симеона проводить новоселье. Вместе с «похоронами» мух и лето уходит⁷. Сегодня подобные обряды в Самарской области характерны для деятельности фольклорных коллективов в системе дополнительного образования детей и подростков.

В православных традициях русского населения смена лета на осень связана с Успеньем Пресвятой Богородицы (15 / 28 августа) и тремя Спасами, которые считаются тремя встречами осени. 1 / 14 августа – медовый Спас, 6 / 19 августа – яблочный, 16 / 29 августа – хлебный; последний в Самарском крае чаще называют ореховым Спасом. В эти дни освящают в церкви указанные продукты сельского хозяйства, угощают ими родных и близких. Вс. Успенка Борского района Успенье – престольный праздник. Широкое распространение осенью имели трудовые помочи; для участников-помощников хозяева устраивали угощение. Праздники сопровождались песнями, играми, танцами. Наиболее веселыми были молодежные помочи в рубке капусты и заготовке ее на зиму – «Капустки».

Рубежным праздничным циклом между осенью и зимой были Кузьминки, длившиеся две недели от дня Козьмы и Демьяна (1 / 14 ноября) до дня святого Филиппа (14 / 27 ноября). В ряде сел праздник отмечался, как престольный, или храмовый. Святые Кузьма и Демьян почитались в народе покровителями свадеб и семейного очага; в фольклорных текстах изображались священными кузнецами, выковывающими венцы для новобрачных. Кроме того, они были покровителями домашней птицы («плодородящей» курицы); молодежью проводились обряды, направленные на сохранность кур; основным блюдом была куриная лапша и курник. С этого времени начинались девичьи посиделки с рукоделами; девушки «крутили» тряпичные куклы. На «Кузьминки» девушки и парни откупали у одинокой старушки избу, где

⁴ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – С. 123.

⁵ Геннеп А. ван. Обряды перехода. – С. 24.

⁶ Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – С. 197 – 198.

⁷ Бузин В.С. Этнография русских. – С. 380.

собирались для игры и веселья. По описанию обряда в Самарской губернии Е. Всеволожской, «с первого ноября несколько дней длятся Кузьминки, те же засидки. Девушки собираются в один дом, сносятя провизией, которую выпрашивают или тайком уносят из семьи, пекут блины, делают яичницу, поют песни и веселятся в избах и на улице»⁸.

Эта обрядность имела социально значимый смысл – определение будущих брачных пар и свадеб на предстоящий год. В русско-мордовских селениях Коноваловке, Захаровке Борского района популярной на Кузьминки была игра «Соседи», где ведущий определял своей волей пары – девушку подсаживал к парню, при этом спрашивал парня: «Люба?». Если парень отвечал отрицательно, его выгоняли за дверь и придумывали ему наказание. В случае положительного ответа, пару выводили в центр, ставили условия проверки их отношений – станцевать, парню взять девушку на руки и подбросить до матицы («чтоб ногами коснулась»), здесь же молодые люди должны были поцеловаться при людях, что в обычное время считалось неприличным. В русских кузьминочных обрядах просматриваются аналогии с осенним праздником финно-угорских народов «Удыр-сий» (девичий пир), для которого девушки заранее варили пиво, откупали «Пивань кудо» (избу), где и гуляли. К Кузьминкам были приурочены и особые песни, например:

Кузьма, Демьян-батюшка, Кузьминична-матушка,
Ой, лён-лён-лён, ой, белый лён.
Распаши, братец, огород,
Ой, лён-лён-лён, ой, белый лён;
Оставь, братец, уголок,
Ой, лён-лён-лён, ой, белый лён.
Повадился во ленок восемь ног и семь чулок,
Две калоши и сапог, молоденький щеголек,
Молоденький щеголек – восемь ног и семь чулок,
Две калоши и сапог (с. Новый Кувак Шенталинского р-на).

Инициационный характер обряда сформулирован и в его названии – «Кузьминки – по осени поминки». Из свежей соломы делали антропоморфное изображение Кузьмы; его одевали в мужскую одежду, усаживали в избе и женили на какой-либо девушке. Акогда Козьма-Демьян «умирал», его несли на носилках по улице, имитируя похороны, на краю деревни или в лесу раздирали на части и плясали на останках, которые после сжигали. Этот праздник несет на себе очевидные символы культа предков. После Кузьминок начинался сорокадневный Филиппов пост до Рождества – время де-

вичьих посиделок с рукоделиями и подготовкой приданого.

Календарно-обрядовый год заканчивался рождественским Сочельником. Название праздника происходит от «сочива» – ритуального блюда, представлявшего собой сваренное зерно пшеницы, заправленное изюмом, орехами, медом. Им, как кутьей, поминали умерших родных, заканчивали пост и переходили к празднику Рождества Христова (25 декабря / 7 января). Отголоском древних традиций прославлять новое народившееся Солнце в день солнцеворота (24 / 25 декабря) в России считалось колядование. В этот день молодежь и дети ходили по домам, носили с собой восьмиконечную (Вифлеемскую) «звезду», славили каждого хозяина песнями – колядками; в них звучит юмор, пожелания хозяевам и их величание, требования и просьбы об угощении. Тексты колядок разнятся не только на уровне районов, но даже соседних селений:

Коляда, коляда,
Посконная борода,
Кишки да ножки,
Коровьи рожки
В печке сидели,
На нас глядели... (с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на).

Колядушка, коляда,
Суконная борода,
В бор полетела,
На елочку села,
На елочке павушка была,
Павушка линияла,
Перышки роняла,
Кому эти перышки, тому (Ф.И.О. хозяина)
Шапочку пушить,
Шуреньев дарить;
Шуренья неспесивы,
На двор не въезжают,
Коней не ломают... (с. Усолье Шигонского р-на).

Жопава, жопава,
Куда ты летала?
– На синее море,
Перышки потеряла.
Кому эти перышки?
Филе-братцу на черную шляпу,
К обеду ходите, на ушах носите (д. Федоровка Богатовского р-на).

Коляда, коляда,
Соломенная борода;
Ты, хозяин-мужичок,
Открывай свой сундучок,
Подавай нам пяточок.

Коляда, коляда,
Посконная борода,
Кто не даст пирога –
Мы корову за рога;
Кто не даст лепешки –
Измажем горшочки;
Кто не даст ветчины –

⁸ Всеволожская Е. Очерк крестьянского быта Самарского уезда. – С. 3.

Перемажем чугуны (д. Федоровка Богатовского р-на).

Пришла коляда
Накануне Рождества;
Дайте коровку –
Масляну головку;
Кто не даст пирога –
Мы корову за рога;
Кто не даст нам яиц,
Мы тому разгоним птиц (с. Благодаровка Борского р-на).

Приходила коляда накануне Рождества,
Кто даст пирога, – тому полон хлев скота,
Овин с овсом, жеребца с хвостом;
Кто не даст пирога, мы своротим ворота,
Кто не даст пирога, мы корову за рога,
Кто не даст лепешки, разобьем окошки (с. Чубовка Кинельского р-на).

Коляда, коляда – свиная борода,
Кто не даст ножку, расколю окошко,
Кто не даст молока, уведу корову за рога,
Кто не даст пирога, уведем жеребца со двора.
Коля, Коля, коляда, открывайте ворота,
Кто не даст лепешки, обмажем окошки (с. Бобровка Кинельского р-на).

Овсень, Овсень пришел ко всем;
Кишки да желудки на печи сидели,
На нас глядели.
Открывай ворота, доставай пирога,
А то корову за рога,
Выноси кренделюшку, а то хрюшку за ушко;
Открывай сундучок, доставай пяточок.
Хозяйка отвечает:
«Вот вам пирога, не надо корову за рога;
Вот кренделюшка, не надо хрюшку за ушко» (с. Андросовка Красноармейского р-на).

Колядовщиков встречали, расстилая перед ними у порога шубу, чтобы водились овцы и ягнята. Чтобы водились куры, в сито клали ткань и на нее яйца, все это крутили над головами ребятишек. В святочные вечера и ночи молодежь «озоровала». У отдельных хозяев разбирали поленницу дров, закрывали печную трубу, раскидывали скирды и сложенные кизяки. Только в Святки, один раз в году, по представлениям крестьян, в природе все смешивалось – свет и тьма, мир живых и мертвых. В канун Нового Года начинались «страшные вечера». Колядовщики – тоже представители иного мира. Судя по их песням, они явились издалека, долго искали двор хозяина и прибыли сюда не как просители; за свои песни они не просят, а требуют награды от хозяев. К встрече колядовщиков особо готовились, ждали их и зазывали. Для угощения пекли особое печенье в виде птиц и животных. В контактных селениях, где проживали русские и украинцы, принято называть произносимые детьми и молодежью тексты щедровками, щедривками:

Щедрик, ведрик,
Дайте вареник,
Кільце кол(в)баски,
Кусочек салыца (с. Полудни Кинель-Черкасского р-на).

Шендрики – пендрики,
Давайте вареники!
Не дадите пирога,
Сведу козу за рога,
Сивку за гривку,
Свинью за щетинку,
А бабушку за пупок,
А дедушку за чупок.
Выносите! Если не дадите –
Сами поедите! (райцентр Кинель-Черкассы).

Две недели от Рождества Христова до Крещения (Богоявления) продолжались Святки – время девичьих гаданий, при которых повсеместно в России исполнялись подблюдные песни. К сожалению, текстов этих песен в Самарском крае обнаружить не удалось. Способов гаданий было множество. Среди них – гадания по петуху. В темноте в курятнике его ловили, приносили в дом. На стол ставили зеркало и чашку с водой. К чему петух подойдет вперед – такой будет жених: к воде – пьяница, к зеркалу – «фарсун». По курице определяли характер свекрови: кудахчет курица – свекровь будет скандальной; «кокочет» – к говорливой свекрови. В темноте ловили овец, – по тому, какой клок шерсти вырвется, определяли цвет волос жениха (д. Федоровка Богатовского района). К.Г.Евлентьев оставил описание праздника, широко отмечаемого в Бузулукском уезде в XIX в.: «Во время святок молодые люди маскируются, или, как здесь говорят, наряжаются, хоронят золото, поют подблюдные песни, играют в фанты, в венчик, в кошку с мышкой»⁹.

Масленичный обрядовый комплекс – один из самых развернутых и разнообразных в русском календаре. Он маркирует переходный период, заканчивающий зиму, а также крестьянский календарный год в целом; предшествует началу нового земледельческого цикла. Масленица – праздник окончательной победы всего нового над старым. Праздновалась Масленица, как и сейчас, целую неделю, после нее начинался семинедельный Великий пост, завершающийся Пасхой. Одна из особенностей Масленицы – крайне развернутая и сложная обрядность, во многом благодаря различным способам развлечений – катаниям с гор, на конях, символическим битвам, ряженью, а также масленичной пище и особым формам проводов праздника. *Первый этап Масленицы*, как символическое избавление, изоляция от предшест-

⁹ Евлентьев К.Г. Путевые заметки из поездок по Заволжью. – С. 25.

вующей жизни, связан с кануном праздника – воскресением. В этот день заканчивался «Мясо-ед», доедали все мясное. *Второй – переходный*, промежуточный этап масленичной обрядности символически демонстрируется катанием с гор, на конях; состязаниями и боями; ряженьем, проводами (похоронами) Масленицы. Катались дети, подростки, молодежь, и даже взрослые – на санях, корзинах, дно которых обмазывалось навозом, деревянных дощечках, кусках кожи. При этом соревновались – кто дольше проедет с горы, у того и лен уродится высокий. По описанию старожилов, «молодежь делает ледяную гору, зовется она Красною горою, и катается с нее; катаются также на пошевнях, т.е. в санях, и с песнями гуляют по улицам» (Богатовский р-он). Разъезжая по селу на лошадях в «широкий» четверг, девушки распевали песни:

Ох ты, пташка-канарейка,
Эх, да не летай ты высоко,
Эх, да сама знаешь, канарейка,
Эх, да что мой милый далеко (с. Покровка Борского р-на).

Катание и на лошадях, и с гор, при всей своей развлекательности, стимулирует движение в природе после ее зимнего замирания. Лошадей украшали, обвешивали лентами, колокольчиками; начищали до блеска праздничную упряжь. Н.Н.Велецкая видит в катании с гор символическое отправление на «тот свет», так же, как основной элемент переправы в «вечный мир». Д.К.Зеленин катание на конях связывал с «переходом» в новую жизнь молодежи¹⁰, молодых семейных пар, образовавшихся во время «Мясоеда». Катание на лошадях вообще было одним из отличительных признаков Масленицы. Здесь особое место занимает символика коня, который выступает «транспортным средством» между жизнями, посредником между мирами, в календарной обрядности отмечает переходное время, смену календарных циклов, акт «перемещения» из одного времени в другое, связь с иным миром.

Особым днем масленичной недели был четверг – «Разгуляй – четверток». Обычно в центре или на главной улице села в этот день устраивались «кулачки», бились «квартал на квартал». Сначала дети, а потом «схлестывались» и взрослые. Главное действие на «Разгуляе» – взятие снежного городка. Из снега дети строили городок с башнями и двумя воротами. Мальчишки делились на две ватаги – «конников» и «пехоту». Первая атаковала город, а вторая защищала его. Взятие снежного городка обычно организовывали взрослые (с. Покровка Борского р-на). Сама крепость из снега – оплот

зимы, ее разрушение – победа тепла над холодом. Если рассматривать состязания в более широком контексте, то их можно связать с противоборством старого и нового, добра и зла, своего и чужого.

Ряженье также является важной частью масленичной обрядности; его суть, глубинную связь с праздником раскрывает состав персонажей, среди них – переодетая молодежь в стариков; мужики, бабы, солдат, охотник, кузнец, цыгане. Типичный зооморфный персонаж – медведь, в представлениях многих народов – вестник пробуждения природы, универсальный символ весны¹¹. Дети на Масленицу лицо закрашивали, на лицо свешивали для смеха веревки (с. Мосты Пестравского р-на). Использование в ряженье «тряпья», веника, метлы основано на их связи со старым, отслужившим, требующим ритуального уничтожения, символической смены сезонов.

Последний день праздника – Прощеное воскресенье – апогей масленичного гулянья. Наиболее характерная форма проводов Масленицы – разведение костров, в которых сжигали солому, отслужившие вещи, что универсально и служит проводами «старого». Чучело Масленицы сначала носили по деревне или катали в санях, потом «хоронили», что выражалось в сжигании, непременно за околицей, в поле. Молодежь и дети прыгали через костер, играли в «Горелки», «Лапту», «Гольшки» (райцентр Шигоны). Таким образом, в масленичной обрядности отчетливо выражен круг действий, вызывающих ассоциации с языческой похоронной обрядностью. Чучело как бы замещает человека, это собирательный образ предков, оно умирает, сгорает на костре, вместе с ним умирает зима, сменяется время года, а люди остаются и живут дальше, надеясь на хороший урожай предстоящего лета.

Третий этап Масленицы, как обряда «перехода», – включение в новое состояние, представлен Чистым понедельником. С этого дня больше не гуляют; особое значение имеют очистительные действия – люди стирали, мыли жилое пространство, топили баню и мылись сами. Здесь видна глубокая смысловая нагрузка, связанная с символическим «восстановлением» человека, его переходом в новое состояние. Очистительные практики характеризуют многие календарные даты, они связаны с переходными календарными периодами, маркирующими смену сезонов, начало нового цикла – достижение чистоты дома, утвари, телесное и духовное очищение человека, отказ от «старого», как необходимое условие обновления.

¹⁰ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: 1991. – С. 407 – 408.

¹¹ Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. – С. 221 – 223.

В заключение можно утверждать, что молодежные фольклорные традиции русского населения Самарского края, относящиеся к осенне-зимнему циклу обрядового календаря, аналогичны общероссийским, демонстрирующим трансформацию древнеславянских аграрных ритуалов по пути их упрощения и утраты в

значительной мере сакрального смысла связи живых с предками, крестьянина – с кормилицей – землей. Вместе с тем, фольклорные тексты и сюжеты, сопровождающие исследуемую обрядность, обладают локальной вариативностью, что можно объяснить законами развития народной художественной культуры.

YOUTH TRADITIONS OF THE AUTUMN-WINTER CALENDAR OF THE RITUAL COMPLEX (ON THE MATERIALS OF SAMARA REGION FOLKLORE)

© 2014 T.I.Vedernikova^o

Samara State Academy of Culture and Arts

This article deals with culturological analysis of local youth traditions of the autumn-winter cycle in ritual folk calendar in the traditional culture of the Russian population of the Samara region. The author considers calendar rites of "transition" as well as seasonal holidays of fall and winter, illustrated in folklore texts written by the author during ethnographic expeditions.

Keywords: autumn-winter cycle of folk calendar, youth traditions, rites of passage, semantic analysis of folklore texts.

^o*Tamara Ivanovna Vedernikova, Candidate of historical sciences, Associate professor.
E-mail: vti53@mail.ru*